С. А. МЕЗИН

ДИДРО, РЕЙНАЛЬ И РАДИЩЕВ: ИЗ ИСТОРИИ ФИЛИАЦИИ ИДЕЙ

Об «Истории обеих Индий» Гийома-Тома Рейналя А. Н. Радищев говорил на следствии: «Сию книгу могу я почитать началом нынешнему бедственному моему состоянию. Я начал ее читать в 1780 или 81 году». О влиянии популярного в Европе труда Рейналя на творчество русского просветителя не раз писали исследователи. Все они отмечали участие Д. Дидро в создании «Истории обеих Индий». Однако текст Дидро при этом не выделялся, указывалось лишь сходство некоторых положений книги Рейналя с «Замечаниями» Дидро на «Наказ» Екатерины II.

Между тем в изучении «Истории обеих Индий» в последние десятилетия достигнут большой прогресс. Д. Годжи, а затем Л. Версини опубликовали тексты Дидро, вошедшие в труд Рейналя. Среди этих материалов особое место принадлежит отрывкам, посвященным России. Французский историк Ж. Дюлак показал, что в этих отрывках была сформулирована оригинальная концепция цивилизации России, оказавшая влияние на развитие политической мысли Европы 1770—1780-х гг. 5

¹ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 188.

² См.: Lang D. M. The First Russian Radical Alexander Radishchev: 1749—1802. London, 1959; Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966; Моряков В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века: Рейналь и Радищев. М., 1981. В Приложении к книге В. И. Морякова дан перевод фрагментов «Истории обеих Индий», в значительной степени вышедших из-под пера Д. Дидро (с. 202—216).

³ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers : Contributions à l'Histoire des deux Indes / Éd. G. Goggi. Siena, 1977. T. 1—2.

⁴ Diderot. Œuvres. T. III: Politique / Éd. L. Versini. Paris, 1995.

⁵ Cm.: Dulac G. 1) Diderot et la «civilisation» de la Russie // Colloque international Diderot (1713—1784): Actes réunis et preparés par Anne-Marie Chouillot. Paris, 1985. P. 161—171; 2) Diderot et le «mirage russe»: quelques préliminaries à l'étude

В этой связи встает вопрос: как А. Н. Радищев отнесся к «русским» сюжетам Дидро? Имело ли место заимствование и развитие русским просветителем концептуальных положений Дидро, разработанных на русском материале? Ответить на эти вопросы призвана настоящая статья.

В 1768—1770 гг. Дидро много читал и беседовал о России и начал свое сотрудничество с Г.-Т. Рейналем в «Истории обеих Индий», где и выказал свое отношение к цивилизации и цивилизаторам России. (В это время Дидро уже подошел к пониманию развития культуры в обществе как естественного, длительного, детерминированного многими факторами процесса).

Д. Годжи установил, что отрывок о России в первом издании «Истории обеих Индий» (1770) также принадлежал Дидро. 6 Здесь Дидро поставил под сомнение господствующую (вольтеровскую) оценку Петра I как создателя новой цивилизованной России: «Восторг, с которым воспринимали, с которым должны были воспринимать Петра Великого, приучил Европу к формированию преувеличенного мнения о его империи». Вопреки этому мнению, замечал Дидро, «хорошие наблюдатели, которые исследуют результаты деяний, без труда разберутся в череде блестящих ошибок, оставивших обширные области без законов, без свободы, без богатств, без населения и без промышленности». Перечисляя печальные результаты ошибочной политики Петра I. автор называет в негативном плане все те условия, которые он считал необходимыми для строительства подлинно цивилизованного общества. Малочисленность и разбросанность населения в условиях сурового климата едва ли позволят русским создать в своих «пустынях» цивилизованные нравы и правление. Петр I и его преемники все силы потратили на то, чтобы создать армию, флот, порты — и страна от этого больше потеряла, чем выиграла.

В позитивной части отрывка Дидро дал первый набросок программы цивилизации России. Философ предлагал умерить стремление к славе, пожертвовать влиянием в делах Европы, превратить Петербург в обыкновенный торговый порт и перенести столицу внутрь государства. Необходимо, писал Дидро,

de son travail politique de Pétersbourg // Le Mirage russe au XVIII siècle / Éd. S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 149—192; 3) Quelques exemples de transferts européens du concept de «civilization» (1765—1780) // Les équivoques de la civilization. Montpellier, 2005. P. 106—135.

⁶ Cm.: Goggi G. Diderot et la Russie: Quelques remarques sur une page de la première édition de l' « Histoire des deux Indes » // L'Encyclopédie, Diderot, l'estétique: Mélanges en hommage à Jacques Chouillet 1915-1990. Paris, 1991. P. 99—112.

⁷ [Raynal G.-T.]. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Amsterdam, 1770. T. 2. P. 204—205.

переключить энергию внешних завоеваний на более важные внутренние преобразования. Он считал полезным сплотить и сконцентрировать население внутри страны вплоть до того, чтобы отказаться от некоторых слишком обременительных провинций. Он призывал монарха освободить дворцовых крестьян и тем подать пример дворянству. Освобождение крестьян должно привести к зарождению третьего сословия, «без которого ни у какого народа никогда не было ни искусств, ни просвещения, ни свободы». И только после этих реформ русские, которых хотели сделать немцами, англичанами, французами, перестанут быть чужими в своей стране и приобретут национальный характер. Таким образом нация встанет на естественный путь развития.

Свое дальнейшее развитие взгляды Дидро на Россию нашли в «Политических фрагментах» («Pensées détachées ou Fragments politiques échappés du porefeuille d'un philosophe») 1772 г., вошедших во второе (1774), а затем и в третье (1780) издание «Истории обеих Индий» Г.-Т. Рейналя. Их принадлежность перу философа выявлена достаточно давно, но лишь в работах Д. Годжи они получили всестороннее изучение. Итальянский ученый исследовал и опубликовал как рукописный подлинник Дидро, так и его варианты, помещенные в «Литературной корреспонденции» Гримма и в «Истории» Рейналя. В Нас интересует XVI фрагмент, который первоначально назывался «О России» («Sur la Russie»), затем был обнародован Гриммом под названием «О том, что нужно начинать с начала» («Qu'il faut commencer par le commencement»)10 и наконец был расширен для «Истории» Рейналя под названием «О цивилизации России» («Sur la civilisation de la Russie»). 11 Дидро писал этот текст в виде заметок на полях первого издания «Истории обеих Индий» и в определенной степени развивал идеи Рейналя.

Рассмотрим основные положения отрывка «О цивилизации России» в том порядке, как их писал Дидро (по публикации Д. Годжи), параллельно отмечая их место в третьем издании «Истории обеих Индий», с которым знакомился Радищев. В издании Рейналя отрывок Дидро разделен между 3-м томом (V книга, раздел XXIII «Препятствия, которые противостоят процветанию России. Средства, которые можно использовать для их преодоления») и 10-м томом (XIX книга, раздел II «Правительство»).

⁸ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers; Goggi G. Les Fragments politiques de 1772 // Studies on Voltaire and eighteenth century. Vol. 254 (1988).

⁹ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 356—359.

¹⁰ Ibid. P. 350—355; см. также: *Diderot*. Œuvres. T. III. P. 608—611.

¹¹ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 375—389; см. также: Diderot. Œuvres. T. III. P. 660—664.

Заметим, что взгляды Дидро на положение России и на средства ее цивилизации в основном сложились еще до поездки философа в Петербург (8 октября 1773—5 марта 1774 г.). В третьем издании «Истории обеих Индий» появилось лишь дополнение, которое указывало на трудности приобщения империи к цивилизации. 12

Проследим за ходом рассуждений философа, оценивающего состояние России и перспективы ее цивилизации. Для этого сначала надо обратиться к 10-му тому. Мысли о цивилизации предварены здесь рассуждением о «просвещенном деспотизме»: «Между тем можно услышать, что самым счастливым правлением было бы правление справедливого, непреклонного, просвещенного деспота. Какая нелепость! А не случится ли так, что воля этого абсолютного господина войдет в противоречие с волей его подданных? Тогда, несмотря на всю его справедливость и все его просвещение, он окажется несправедлив, лишая их прав даже для их же блага. Позволено ли человеку, каков бы он ни был, обращаться со своими доверителями, как со стадом скотов?». 13 Автор ставил волю народа выше воли любого монарха, но не отрицал возможности достижения согласия между ними: просвещенный монарх должен стараться просветить народ, вывести его из заблуждения, действовать путем убеждения, но не силой. Опасность деспотической формы правления состоит и в том, что просвещенного деспота может сменить монарх, лишенный его добродетелей, — жертвой окажется вся нация. Деспотизм опасен во всех проявлениях и не может быть надежной основой шивилизации: «...все памятники свидетельствуют, что цивилизация государств была делом скорее обстоятельств, чем мудрости монархов».¹⁴

Далее автор характеризовал естественные трудности на пути цивилизации России: суровый климат, который препятствует росту населения. Дидро еще раз отмечал, что два этих фактора взаимообусловлены и связаны с необходимостью иметь обширные территории, покрытые лесами. Зимой вынужденная праздность населения развивает в нем склонность к игре, распутству, неумеренному употреблению крепких напитков. Огромная протяженность империи, различия народов в обычаях и языках препятствуют законодательной деятельности. Дидро обоснованно

¹² Годжи Д. Колонизация и цивилизация: Русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 226.

^{13 [}Raynal G.-T.]. Histoire philosophique et politique des établissements dans les deux Indes (далее — HDI). Genêve: Chez J. L. Pellet, 1780. T. X. P. 40; *Diderot*. Œuvres. T. III. P. 660.

¹⁴ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 376; HDI. T. X. P. 43.

полагал, что центральная власть ослабевает по мере удаления от столицы, и это открывает возможности для злоупотреблений чиновников, каждый из которых считал: «До Бога высоко, до императора далеко, и хозяин здесь я». 15

В России все население делится на два класса: господа и рабы, — констатировал Дидро. Тирания держится на рабстве, и тираны никогда не согласятся добровольно его упразднить. К тому же вчерашние рабы, внезапно получив свободу, становятся ленивыми и жестокими. Но цивилизация не может существовать без личной свободы. Поэтому необходимо создать третье сословие, наделенное чувством личной свободы и достоинства. «Положим, найдены к тому средства, сколько же понадобится столетий, чтобы получить заметный результат?» Как видим, Дидро не скрывал своего пессимизма и скепсиса в отношении быстроты цивилизации российского общества.

Создание третьего сословия можно ускорить с помощью учреждения иностранных колоний. Но для их существования нужно юридическое обеспечение, твердое соблюдение законов. Как можно добиться этого, когда в судах заседают только помещики, если везде господствуют взаимная выгода и продажность? «Спрашивается, можно ли там иметь цивилизацию без справедливости и как можно установить справедливость в такой империи?»¹⁷

Отсутствие третьего сословия предопределило слабость городов, которые разбросаны по огромной территории. Но особенно бросается в глаза отсутствие дорог в России и дурное состояние тех, которые имеются. Состояние дорог свидетельствует о развитии коммерции и является в конечном счете показателем уровня цивилизации: «Обойдите все страны на земле и повсюду, где вы не обнаружите легкости торгового общения города с поселком, поселка с деревней, деревни с хутором, скажите, что эти народы суть варвары, и вы, как правило, не ошибетесь». (При таком состоянии дел наибольшим счастьем, которого можно достичь в стране огромной протяженности, не было ли расчленение ее в результате какой-то большой перемены (grande revolution) и разделение на множество маленьких смежных государств?» — вопрошал Дидро.

На первый взгляд Россия может показаться страной религиозной терпимости, — замечал автор. Но это верно только в от-

¹⁵ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 377; HDI. T. X. P. 45.

¹⁶ Ibid

¹⁷ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 378; HDI. T. X. P. 46.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 378; HDI. T. X. P. 46—47.

ношении Петербурга. Но и здесь надо сделать исключение для иудаизма. Веротерпимость способствовала бы цивилизации, если бы остальное население не было погружено в самое грубое суеверие, если бы оно не разжигалось многочисленным духовенством, невежественным и распутным.

Некоторые особенности национального характера русских также могут, по мнению Дидро, препятствовать реформам: русские имеют о себе слишком высокое мнение, исполнены чувством собственной исключительности. Они уверены в своем превосходстве над остальными народами Европы. Это побудило некоего иностранца, объехавшего большую часть империи, сказать: «Россия сгнила, прежде чем достигла зрелости».²⁰

Что можно сделать для достижения цивилизации России? Необходимо дать народу политическую свободу. Екатерина II понимает значение свободы для достижения общественного блага, — полагал Дидро. Но отказалась ли она от деспотической власти? Можно ли в ее «Наказе» для Уложенной комиссии увидеть нечто большее, чем желание изменить названия: называться монархом, а не самодержцем, называть свой народ подданными, а не рабами? Можно ли обмануть народ подобной «комедией»?²¹

В своей политике реформатор должен опираться на общественную поддержку. Русскому монарху не на что опираться, кроме армии. В России хорошие солдаты, но вокруг Екатерины невозможно найти настоящих государственных деятелей. Удивительно то, что она сделала одна, но, когда ее не станет, кто ее заменит?²² (Эту мысль Дидро прямо высказывал в письме Екатерине II из Гааги 13 сентября 1774 г.: «Екатерина Вторая пришла после Петра Первого, но кто заменит Екатерину Вторую? Этот необычный человек может наследовать ей сразу, или заставит себя ждать века»²³). Таким образом, философ не просто подчеркивал роль личности монарха, но имел в виду необходимость создания общественных и экономических условий для проведения реформ.

Вопреки просветительским иллюзиям, Дидро здраво полагал, что такие проекты, как создание закрытых учебных заведений (а также воспитательных домов для сирот), где дети воспитываются в духе свободы, мало что могут изменить в обществе. Тем

²⁰ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 379; HDI. T. X. P. 48.

²¹ Cm.: *Denis Diderot*. Mélanges et morceaux divers. P. 379—380; HDI. T. X. P. 48—49.

²² См.: Ibid.

 $^{^{23}\,} Diderot\,\, D.$ Correspondance publiée par G. Roth et J. Varloot. Paris, 1968. Vol. XIV. P. 80.

более что существование этих учреждений целиком зависит от властей.²⁴

Столь же искусственными, по его мнению, являются академии, в которых иностранцы пытаются продвигать науки и художества. Их учреждение не является результатом общественного развития, а потому таланты не находят себе применения в обществе.²⁵

Анализ российской жизни, представленный Дидро, поражает не только своей логикой и глубиной мысли. Вызывают удивление точность наблюдений и информированность автора.

Дидро еще не терял веры в реформаторские возможности Екатерины. Он пытался дать практические советы. Их мы находим в пятой книге 3-го тома «Истории обеих Индий». Прежде всего, философ отмечал, что для дальнейших преобразований нужна стабильность власти и строгий порядок наследования престола. В противном случае страна наполнится восстаниями и междоусобицами. (Дидро имел в виду печальный опыт дворцовых переворотов в России XVIII в.). Он осуждал петровский закон о престолонаследии. Но для народа недостаточно иметь законного монарха, надо, чтобы он заботился о народном благе. В России это невозможно без изменения формы правления. Российский деспотизм держится на всеобщем рабстве. Никто среди подданных не может быть уверенным в безопасности своей личности и имущества. По-видимому, не случайно, говоря о деспотизме и крепостничестве, Дидро обращался к памяти Петра I.

Конечно, Дидро больше интересовало настоящее и будущее России, чем ее прошлое. Но он понимал, что исходным пунктом развития современной России были реформы Петра. Поэтому прежде чем давать Екатерине конкретные советы, он оценивал знаменитого русского реформатора. Здесь мы имеем дело с самой развернутой оценкой деятельности Петра I, вышедшей из-под пера Дидро. Приведем ее полностью:

«Уважение, которое необходимо воздать памяти Петра I, не должно помешать сказать о том, что ему не удалось увидеть в целом благоустроенного государства. Он был рожден гением. Ему внушили любовь к славе. Эта страсть сделала его деятельным, терпеливым, прилежным, неутомимым, способным побеждать трудности, которые природа, невежество, привычка противопоставляли его предприятиям. С этими добродетелями и иностран-

²⁴ Cm.: *Denis Diderot*. Mélanges et morceaux divers. P. 380—381; HDI. T. X. P. 50—51.

²⁵ См.: Ibid.

²⁶ Cm.: Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 382; HDI. T. III. P. 167.

цами, которых он призвал к себе, ему удалось создать армию, флот, порт. Он создал множество необходимых регламентов для успеха своих смелых замыслов. Но несмотря на славу и титул законодателя, он едва ли издал два или три закона, которые не несли бы отпечатка жестокости. Его не видели поднявшимся до сочетания блаженства своего народа с личным величием. После его великолепных установлений нация продолжала томиться в бедности, в рабстве и угнетении. Он не хотел ничего ослабить в своем деспотизме, а ужесточил его, быть может, и оставил своим преемникам ужасную и губительную идею, что подданные — ничто, а монарх — все». 27

Таким образом, Дидро отдавал должное лишь гению Петра, его личному величию. Но он отказывался видеть в нем законодателя и реформатора, принесшего пользу своему народу. Петр не смог вывести Россию из состояния варварства, но он испортил ее.

Дидро верил в добрые намерения Екатерины, но он видел, насколько трудно ей действовать в условиях России. Философ заметил, что она действовала в некоторых случаях иначе, чем Петр. «Этот монарх ожидал наибольшего успеха от возвращения молодых людей, которых он посылал заимствовать образование в наиболее просвещенных странах Европы». Екатерина же обратила внимание на воспитание молодых людей, создала школы для дворян. Что еще лучше, она создала школы для простолюдинов, которые могут теперь учиться полезным ремеслам.

Но чтобы ускорить достижение поставленной цели, Дидро предлагал свою идею цивилизации через иностранную колонизацию. Надо призвать «свободных людей из цивилизованных стран», наделить их землей, построить им дома, снабдить всем необходимым для земледелия. Нужно предоставить им свободу вероисповедания. Из этих колоний зародыш свободы может распространиться по всей империи. Правда, колонизация не должна быть такой, какую осуществила императрица в 1764—1765 гг., в результате чего иностранцы в России «нашли только рабство, нищету, смерть, где немногие, избежавшие этих несчастий, томятся в ожидании близкого конца». 29

²⁷ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 383—384; HDI. T. III. P. 168—169.

²⁸ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 385; HDI. T. III. P. 171.

²⁹ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 387; HDI. T. III. P. 175. Во время своего визита в Петербург Дидро подал императрице записку неизвестного автора о плачевном состоянии иностранных колоний на Волге и о мерах по улучшению их положения. Записка издана Р. Бартлеттом: Diderot and the foreign colonies of Catherine II // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1982. Vol. 23. № 2.

Если Екатерина захочет подчиниться новому порядку вещей с целью достижения общего блага, она должна умерить свое стремление к славе и не стремиться к военным успехам в Европе (здесь и далее Дидро дословно повторял свои слова из отрывка, написанного для первого издания «Истории обеих Индий»), перенести столицу из Петербурга, уничтожить все виды рабства, обеспечив тем самым появление третьего сословия.

Философ завершал свое наиболее развернутое суждение о цивилизации России, излагая свой план естественного развития общества. Не следует приглашать знаменитых людей из других стран. «Эти экзотические растения погибнут в стране, как гибнут иностранные ростки в нашей почве». «Во всем надо начинать с начала: начало — это приведение в действие ремесел и низших классов. Научитесь возделывать землю, обрабатывать кожи, изготавливать шерстяные ткани, и у вас быстро выделятся богатые семьи». 30 Обеспеченное общество само должно породить поэтов, философов, ораторов, скульпторов и живописцев. «Следуйте постоянному ходу природы, бесполезно было бы стараться избежать его». ³¹ Если отклониться от естественного хода природы, никакие усилия и средства не принесут ожидаемых плодов, и общество может вернуться в состояние варварства.

Как бы мы ни оценивали сегодня разработанный Дидро план цивилизации России и степень его утопичности, нельзя не признать его доказательной логики, основанной на изучении исторического опыта европейских стран. Автор считал европейский путь цивилизации магистральным для всех народов. Отсюда его убежденность в необходимости развития таких основ европейской цивилизации, как собственность, личная и политическая свобода. Отсюда исходила и его вера в историческую роль третьего сословия.

Вместе с тем план цивилизации Дидро нельзя рассматривать как простой план европеизации. Институты цивилизованного общества должны естественным путем вырастать на собственной почве, общество должно пройти определенные стадии развития. Дидро отрицал идею Вольтера о трансплантации культуры, олицетворением которой был Петр I. Как показали в своих работах Ж. Дюлак и Д. Годжи, концепция Дидро была тесно связана с теоретическими исканиями века Просвещения, в частности с идеями Д. Юма и представителей шотландской исторической школы.

Р. 221—241; русский перевод опубликован С. А. Мезиным: К истории немецких колоний на Волге // Волга (Саратов). 1997. № 5—6. С. 43—55. ³⁰ *Denis Diderot.* Mélanges et morceaux divers. P. 388; HDI. T. III. P. 176.

³¹ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 388—389; HDI. T. III. P. 177.

Философ строил свою концепцию цивилизации по контрасту с реальным историческим опытом России XVIII в., полагая, что Петровские реформы заложили основы искусственной, ложной цивилизации России. Он исходил из того, что для поступательного развития России необходимо переключить энергию внешних завоеваний на внутренние преобразования, дать свободу крестьянам, способствовать колонизации свободных европейцев и зарождению третьего сословия, законодательно ограничить деспотизм верховной власти.

Рассматривая цивилизацию как естественный и длительный процесс, Дидро не отказывался от мысли о возможности ее ускорения путем реформ сверху. Поэтому он всегда поддерживал политический диалог с Екатериной II, желая научить ее искусству управления или цивилизации страны. В своих советах Екатерине Дидро как будто смотрел на века вперед, поэтому некоторые его мысли о цивилизации и сегодня звучат актуально.

Но Екатерина II была не единственным читателем, откликнувшимся на записки и проекты Дидро. В России был по крайней мере еще один внимательный читатель страниц, написанных Дидро в «Истории обеих Индий», — «зривший сквозь целое столетие» А. Н. Радищев.

Оставим за скобками много раз декларированное исследователями «революционизирующее» влияние на Радищева глав «Истории обеих Индий», посвященных американской революции. Ограничимся вопросом о возможном влиянии на русского просветителя «русских» глав, вышедших из-под пера Д. Дидро. Очевидно, что Радищев разделял содержащуюся там критику самодержавия, крепостничества, деятельности «просвещенного деспота». Но насколько он был близок к Дидро в оценке современного состояния и будущего России? Воспринял ли он концепцию цивилизации России и ее отдельные элементы? Советские авторы видели «концептуальное» сходство Рейналя и Радищева в пропаганде революционных идей. ³² Но, как показано выше, сущность концепции Дидро в отношении России состояла отнюдь не в призывах к революции.

Дидро и Радищева в их отношении к России роднил критический пафос, внимание к порокам и недостаткам русской жизни. Но восприятие этих недостатков было разное: непосредственно-чувственное у Радищева и отстраненно-рациональное у Дидро. Каждый из них, разоблачая несовершенство общественных отношений, по-своему пытался преподать урок царям.

 $^{^{32}}$ См.: *Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Запретная мысль обретает свободу. С. 96—101.

Оба автора отмечали беззаконие, мздоимство, насилие, тиранию верховной власти и угнетение рабов хозяевами как повседневные явления русской жизни. Конечно, пороки окружающей действительности Радищев изучал не по «русским» страницам Дидро, достаточно было «взглянуть окрест себя» и иметь «душу чувствительную» и «сердце человеколюбивое»: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала». ³³ Но определенное созвучие их мнений отрицать не приходится.

Дидро и Радищев были согласны в том, что в России существует самодержавное деспотическое правление, не ограниченное никакими законами. Личные качества монарха, его просвещенность и «мягкосердость», не меняют антинародной сущности режима. За внешней благопристойностью и блеском могут скрываться раболепие, воровство, беззаконие и обман. Даже монаршее милосердие может обернуться «комедией» («Спасская Полесть»). Как отмечал В. А. Западов, в этой главе, «оперируя действительными фактами царствования Екатерины, Радищев создает образ государя, обладающего всеми основными чертами, который должен иметь «просвещенный монарх». За В этом замечании все верно, кроме того, что Радищев, как и Дидро, разделял понятия «просвещенный монарх» и «просвещенный деспот». В России приходилось иметь дело именно с просвещенным деспотом, обладающим беспредельной, ничем не ограниченной властью.

Дидро не терял надежды на просвещенного монарха в деле цивилизации России, пытался убедить Екатерину изменить саму сущность царской власти, поставить ее под контроль закона и постоянных выборных «законодательных комиссий». Радищев, кажется, был настроен более радикально: он допускал «поражение» монарха, если «оно отмстит порабощение человека». Но это революционное действие он допускал в крайнем случае. Истинные патриоты отечества, писал он, «не возмутят <...> гражданского покоя безвременно и без пользы». Оба писателя были наслышаны о Пугачевском восстании. Для них крестьянский бунт не был сколько-нибудь приемлемым способом решения проблем, стоявших перед Россией. «Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце!» — восклицал русский автор. Дидро писал: «Это волнение, продолжение которого могло опрокинуть государство,

³³ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подгот. В. А. Западов. СПб., 1992. С. 6.

³⁴ Западов В. А. История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 605.

³⁵ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 25.

³⁶ Там же. С. 61.

заставило понять, что следовало бы приручить медведей, прежде чем снять их оковы, а также, что хорошие законы и просвещение должны предшествовать свободе». В этом суждении он приводит распространенное мнение, поддержанное самой Екатериной. Но сам Дидро считал, что свобода должна предшествовать просвещению — на этом он строил свою концепцию цивилизации России.

Важно обратить внимание на позитивную программу авторов, на их видение путей преобразования и будущего России. В сущности, отрывок Дидро «О цивилизации России» был таким же «Проектом в будущем», как и тот, что А. Н. Радищев представил в главе «Хотилов».

Россию будущего Радищев видел страной, в которой «науки, художества и рукоделия» доведены «до высочайшия совершенства степени». В ней будут царствовать «равновесие во властях» и «умеренность в наказаниях». Страна будет наслаждаться «внутренней тишиною, внешних врагов не имея». Духовенство будет проповедовать человеколюбие. Восторжествует свобода вероисповедания. Путь к совершенству общественных отношений, по мнению Радищева, будет долгий и непростой, он потребует прохождения «многих степеней усовершенствования». Русский автор «Проекта в будущем» не находил истинного «блаженства» в видимом порядке, господствующем в воинском стане. (Заметим, что Дидро сравнивал Россию и Петербург с военным лагерем). Он почитал пустой «саму славу завоеваний»: «звук, глумление, надутлость и истощение». Все эти положения видимым образом сближают позиции Дидро и Радищева.

Корень зла оба автора видели в господствующем в России рабстве. Оба приветствовали «постепенное освобождение земледельцев в России». Оба мыслителя доказывали преимущество свободного труда. «Корысть» и богатство виделись им естественным двигателем общественного развития. «Следуя сему естественному побуждению, все начинаемое для себя, все, что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того, все то, на что несвободно подвизаемся, все то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и криво. Таковых находим мы земледелателей в государстве нашем». 42 Радищев считал, что только крестьянин-собственник

³⁷ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 384; HDI. T. III. P. 170.

³⁸ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 66—67.

³⁹ Там же. С. 81.

⁴⁰ Там же. С. 68.

⁴¹ Там же. С. 70.

⁴² Там же. С. 71.

может быть по-настоящему полезен обществу. В нем он видел основу общественного благосостояния и процветания в будущем. Как и французский мыслитель, Радищев был озабочен проблемой «размножения народа»: «Тако нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан, им же определены были природою избытки ее». 43

Некоторые исследователи замечали, что мысль о формировании третьего сословия в России не волновала Радищева, 44 а созданные им образы российских купцов, откупщиков и ростовщиков не вызывают симпатии. Но ведь воровство и плутовство купечества тоже являлись порождением уродливого общественного и государственного устройства. А свободный крестьянин-собственник в любом случае должен быть основой для формирования третьего сословия. Желательное для Радищева «естественное и гражданское равенство» должно установиться и путем «умаления» дворянских и придворных привилегий (глава «Выдропуск»). 45

Радищев хорошо понимал значение коммерции для процветания государства. Наблюдая за прохождением торговых караванов в Вышнем Волочке, он замечал: «Тут видно было истинное земли изобилие и избытки земледелия: тут явен был во всем блеске мощный побудитель человеческих деяний — корыстолюбие». Каналы, шлюзы, дороги — это важнейший признак цивилизации для Радищева (правда, слово «цивилизация», новое для французского языка, не вошло тогда еще в русский язык). «Когда нынешние державы от естественных и нравственных причин распадутся, позлащенные нивы их порастут тернием и в развалинах великолепных чертогов гордых их правителей скрываться будут ужи, змеи и жабы, — любопытный путешественник обрящет глаголющие остатки величия их в торговле». Правда, о русских дорогах Радищев был невысокого мнения: «Римляне строили большие дороги, водоводы, коих прочности и ныне по справедливости удивляются; но о водяных сообщениях, каковые есть в Европе, они не имели понятия. Дороги, каковые у римлян бывали, наши не будут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и без обделки нескоро заровняются». 46 Часто поминаемое автором «Путешествия» скверное состояние дорог в России, как мы видели, у Дидро приобретало характер атрибута нецивилизованной страны.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Западов В. А. История создания... С. 607.

⁴⁵ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 76.

⁴⁶ Там же. С. 74.

В приведенной выше цитате из главы «Вышний Волочок» нельзя не обратить внимание на фразу о «естественном» распаде «нынешних держав». О том, что она не случайна, свидетельствуют и известные строфы из оды «Вольность», прокомментированные самим Радищевым в главе «Тверь»: «Следующие 8 строф содержат прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Но время еще не пришло. Когда же оно наступит, тогда

Встрещат заклепы тяжкой ночи». 47

Исследователи уже указывали на то, что «прорицание» Радищева поразительно напоминает совет Дидро: «При таком состоянии дел наибольшим счастьем, которого можно достичь в стране огромной протяженности, не было ли расчленение ее в результате какой-то большой перемены («grande revolution») и разделение на множество маленьких смежных государств? Порядок, введенный в некоторых из них, распространился бы и на другие». 48

Это совпадение, конечно, свидетельствует о знакомстве Радишева с текстом Дидро. Но в нем просматривается и общепросветительская идея о том, что большие страны склонны к деспотии, а демократическое правление легче установить в маленьких государствах вроде Швейцарии. Очевидным представляется и тот факт, что идея распада империи была истолкована Радищевым в гораздо более революционном духе, чем это было в отрывке Дидро. 49

Как мы видели, Дидро пытался представить свой план цивилизации как следование естественному ходу природы. Попытки найти естественные законы движения общества слышатся и в рассуждениях Радищева: если гражданские законы удаляются от закона природы, то «производят всегда урода». Освобождение крестьян для него — восстановление «природного всех равенства».

Еще одна проблема, которая занимала умы Дидро и Радищева в контексте размышлений о настоящем и будущем России, — оценка реформ Петра I.

Дидро, хотя и не без колебаний, пессимистически оценивал результаты петровских реформ. Он отдавал должное гениальной личности царя, но методы проведения преобразований находил порочными. Избранный Петром путь заимствования готовых образцов культуры из Европы противостоял авторской концепции

⁴⁷ Там же. С. 102.

⁴⁸ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 378; HDI. T. X. P. 46—47.

 $^{^{49}}$ См.: *Карякин Ю. Ф.*, *Плимак Е. Г.* Запретная мысль обретает свободу. С. 115—116.

⁵⁰ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 56.

естественного пути цивилизации. К тому же Петр укрепил деспотизм и рабство в России — главные оплоты ее полуварварского состояния в глазах Дидро.

Свое понимание роли Петра I в российской истории Радищев яснее всего сформулировал в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего». 51 Кстати, это единственное сочинение Радищева, где упоминается имя Дидро.

Как известно, письмо посвящено состоявшемуся 7 августа 1782 г. открытию памятника Петру I на Сенатской площади — «Медного всадника» Э. Фальконе. Описание церемонии открытия и самого памятника основано на сочинении И. Г. Бакмейстера «Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого» (СПб., 1786; на немецком языке сочинение было опубликовано в 1782 г.). В частности, Бакмейстер писал: «Да будет мне дозволено присовокупить здесь точно собственными словами Дидерота чувствительнейшее его описание совершенств модели, которое он переслал в письме к Фальконету: Ирой и конь его составляют вместе прекрасного кентавра, коего человеческая и мыслящая часть удивительно спокойствием своим противополагается части яростного животного. Рука отлично изображает повеление и покровительство». 52 У Радищева эта фраза интерпретирована следующим образом: «...простертая рука покровительствующая, как ее называет Дидеро, и взор веселый суть внутренное уверение достигшия цели...».53 Речь идет об описании модели памятника в письме Дидро к Фальконе, написанном в декабре 1773 г.: «Герой хорошо сидит. Герой и конь составляют вместе прекрасного кентавра, человеческая и мыслящая часть которого прекрасно контрастирует своим спокойствием с необузданной частью животной. Эта рука хорошо повелевает и покровительствует; это лицо заставляет уважать и верить; эта голова очень характерна; она трактуется благородно и искусно; это прекрасная вещь, которая в конечном счете ставит скульптора на уровень мастеров искусств».54

Но «Письмо к другу» интересно не своими описаниями, частично основанными на мнении Дидро. Радищев вставил в них

⁵¹ См.: *Радищев А. Н.* Избранные сочинения. М., 1952. С. 9—12; *Стенник Ю. В.* А. Н. Радищев о значении Петра I в истории России // Русская литература. 2000. № 1.

⁵² Бакмейстер И. Г. Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого. СПб., 1786. С. 49—50.

⁵³ Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 11.

⁵⁴ Diderot D. Correspondance. Paris, 1966. Vol. XIII. Р. 117. Впервые переписка Фальконе с Дидро была опубликована в издании «Œuvres d'Etienne Falconet, statuaire...» (Losanne, 1781).

оригинальные рассуждения о русских царях и о сущности царской власти, выведшие из себя Екатерину II. Современники, по словам Радищева, Петра I «в живых ненавидели, а по смерти оплакивали». 55 Многие из них льстили царю, ненавидя его. Другие же, «объемлемые ужасом беспредельно самодержавныя власти, раболепно пред блеском твоея славы опускали зеницы своих очей». И Екатерина, как и Петр, «смерть и жизнь миллионов себе подобных в руке своей имеет». 56

Радищев прославлял основание царем Петербурга и завоевание Балтийских берегов. Он славил Петра за учреждения, «к народной пользе относящиеся», за победы над Карлом XII, а главное — за то, что «дал первый стремление столь обширной громаде (России. — C. M.), которая яко первенственное вещество была без действа». 57 Писатель «вопреки женевскому гражданину» (Ж.-Ж. Руссо) видел в Петре I «мужа необыкновенного, название великого получившего правильно». 58 В свое время В. И. Семевский не без оснований предположил, что на оценку Петра I в «Письме к другу» повлияли высказывания Г.-Б. Мабли. 59 Эти высказывания, по-видимому, повлияли и на Дидро как автора отрывка «О цивилизации России». Так, у Мабли, Дидро и Радищева звучат общие мысли о том, что Петр «победитель <...> был прежде, нежели законодатель», что «мог бы Петр славнея быть, возносяся сам и вознося свое отечество, утверждая вольность частную» и что «нет и до скончания мира примера, может быть. не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти, седяй на престоле». 60 Оценка Петра I русским просветителем была в целом более взвешенной и более патриотичной, чем суждения его европейских коллег. Но в принципиальных вопросах осуждения деспотизма царя и его невнимания к «счастью» и свободе подданных их мнения сходились.

Подведем итоги. Разработанная Д. Дидро концепция цивилизации России несомненно повлияла на политическое мировоззрение А. Н. Радищева. Оценивая современное состояние и перспективы развития России, русский писатель также указывал на необходимость следовать естественным путем к отмене в будущем рабства и деспотизма, к созданию на основе труда

⁵⁵ Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 9.

⁵⁶ Там же. С. 10.

⁵⁷ Там же. С. 12.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См.: *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 23—24; *Мабли Г.-Б.* Об изучении истории : О том, как писать историю. М., 1993. С. 125—128.

⁶⁰ Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 11—12.

свободных собственников цветущего сельского хозяйства и коммерции, к отказу от завоевательной политики и великодержавия. Но Радищева не увлекла идея цивилизации через иностранную колонизацию, пропагандируемая Дидро. Не разделял он и мысли философа о необходимости перенесения столицы внутрь страны. Радищев открыто не осуждал перенимание «готового» просвещения из Европы. Не мог он принять и скептических высказываний француза о национальном характере русских. Оба автора проявляли непоследовательность в своих теоретических исканиях. Но концепция Дидро отличалась более строгим логическим построением. В ней четче была представлена программа поэтапного цивилизационного развития на собственной экономической основе. Дидро создавал свою концепцию в противовес мысли о плодотворности и даже самой возможности насилия над природой. В то время как искренний патриот своей страны, эмоциональный Радишев писал в конце жизни:

О народ, народ преславный! Твои поздние потомки Превзойдут тебя во славе... Все преграды, все оплоты Сокрушат рукою сильной, Победят — природу даже...61

Рассуждая о филиации идей в европейском культурном пространстве, неуместно говорить о простом заимствовании. Дидро и Радищев дышали воздухом одной культуры — культуры века Просвещения. Знакомство с трудами европейских просветителей заставляло Радищева думать о настоящем и будущем своей родины и в духе времени строить планы ее преобразования. Мысли Мабли, Руссо, Дидро, Рейналя были важными инструментами в творческом арсенале русского писателя.

⁶¹ Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 294.